

Китайский фактор в российско-американских отношениях

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 287
Сентябрь 2013 г.

Михаил Троицкий, *Московский государственный институт международных отношений (МГИМО-Университет)*

Отсутствие содержательной дискуссии в российском и американском внешнеполитических сообществах о влиянии Китая на отношения между Россией и США не может не вызывать удивление. Несколько влиятельных книг и статей на эту тему, вышедших в 2008-2011 годах, сформировали устойчивое восприятие растущего взаимодействия Москвы и Пекина как краткосрочной тенденции, определяемой тактическими интересами сторон. Большинство наблюдателей не верят в возможность полноценного российско-китайского альянса из-за существующих между сторонами разногласий по ряду вопросов. По этой логике, Вашингтону не нужно беспокоиться о последствиях российско-китайского сближения для политики США в отношении России. Тем не менее перемены в стратегиях поведения Москвы и Пекина на международной арене, а также в самой среде международной безопасности наводят на мысль о необходимости пересмотра прежних выводов и оценок.

В последние два года Китай и Россия перешли к более тесной координации позиций по международным проблемам, имеющим значение для США, включая войну в Сирии и иранскую ядерную программу. Некоторые аналитики указывают на то, что формулировки российских официальных заявлений по ряду ключевых вопросов международных отношений в Азии практически идентичны китайским формулировкам.

Крупнейшая российская государственная нефтяная компания «Роснефть» имеет серьезные обязательства перед китайскими кредиторами. В 2009 году она получила от Банка развития Китая кредит в размере 25 млрд. долларов на строительство нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан». В июне 2013 года между «Роснефтью» и китайскими государственными нефтяными компаниями было достигнуто соглашение о значительных поставках нефти в Китай на протяжении следующих 25 лет. В качестве авансового платежа за эти поставки «Роснефть» получила от Китая 60 млрд. долларов. В том же месяце Китайская

национальная нефтегазовая корпорация приобрела 20-процентную долю в «Ямал-СПГ» – проекте по добыче природного газа, контролируемом компанией «НОВАТЭК» – второй по размеру российской газодобывающей компанией и потенциальным экспортером сжиженного газа. Впервые в истории китайская компания была допущена в акционерный капитал совместного предприятия по добыче газа в России.

На протяжении последнего десятилетия Россия и Китай совместно проводят все больше пономасштабных военных учений как на суше, так и на море (некоторые из этих учений прошли под эгидой Шанхайской организации сотрудничества). Российско-китайские военно-морские маневры, состоявшиеся в июле 2013 года, стали для Китая самыми крупными в истории совместными учениями с иностранным партнером.

Эти и другие события и тенденции со всей очевидностью указывают на необходимость нового раунда дискуссии о влиянии КНР на российско-американские отношения несмотря на то, что до сих пор Москва и Вашингтон такую необходимость не признавали.

Причины невнимания

Китайский фактор в отношениях России и США не привлекает достаточное внимание аналитиков в Москве и Вашингтоне по нескольким причинам. Влиятельные представители российского внешнеполитического сообщества, возможно, опасаются открыто обсуждать риски, связанные с подъемом Китая, чтобы избежать негативных последствий ярко выраженной дилеммы безопасности, которая могла бы в этом случае сформироваться в российско-китайских отношениях. Она возникла бы как самосбывающийся прогноз о том, что любой игрок, чьи ресурсы возрастают, представляет собой угрозу. Лица, принимающие решения в России, полагают, что лучшим подходом к отношениям с мощным соседом является «стратегическая неопределенность». Пекин мог бы указать на то, что обсуждение Россией и США действий КНР на международной арене противоречит духу российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанного в 2001 году. По этому договору, Москва и Пекин должны провести между собой консультации в случае, если одна из сторон заявит о возникновении угрозы своей безопасности. Наконец, хотя российские специалисты по международным отношениям традиционно с большой охотой используют в своем анализе концепции «геополитических треугольников», круг конкурентоспособных экспертов, одинаково хорошо разбирающихся в проблемах российско-китайских и российско-американских отношений, крайне ограничен.

В свою очередь, американские политики и эксперты стараются не раздражать Китай слабо завуалированными попытками уравновесить китайское влияние в мире в момент, когда уязвимость США к недружественным действиям со стороны Пекина, возможно, достигла исторического максимума, а растущий китайский национализм (отчасти контролируемый властями КНР) принимает антиамериканскую направленность. Слабое внимание к «китайскому фактору» в

США может также объясняться тем, что формирование политики Вашингтона в отношении России и постсоветского пространства, с одной стороны, и Китая и азиатско-тихоокеанского региона, с другой, происходит раздельно. В подобных условиях представители внешнеполитического сообщества не мотивированы к выявлению причинно-следственных связей между двумя различными комплексами двусторонних отношений. В англоговорящем мире недостаток экспертов, способных компетентно анализировать пересекающиеся сюжеты американо-китайских и американо-российских отношений, может также быть обусловлен трудностями одновременного освоения двух «трудных» иностранных языков – китайского и русского (то же верно и в отношении российских специалистов, владеющих одновременно английским и китайским языками). Наконец, большинство проблем и трендов, для изучения которых требуется понимание китайского фактора в российско-американских отношениях, возникли совсем недавно и быстро развиваются. Так или иначе, хотя Россия имеет лишь ограниченное отношение к широкому кругу внешнеполитических приоритетов США, а всерьез говорить о существовании американо-китайско-российского «треугольника» не приходится, в своем взаимодействии с Москвой Вашингтону вряд ли имеет смысл и дальше сбрасывать со счетов китайский фактор.

Стратегия России

Несмотря на впечатляющий рост экономических и военных ресурсов Китая, а также попытки Пекина расширить географическую сферу деятельности своих военно-морских сил, Москва, как минимум на уровне официальных деклараций, рассматривает Китай как первую в современной истории «поднимающуюся» державу, чье влияние в мире не требуется уравнивать. В официальных и полуофициальных высказываниях лиц, формирующих российский внешнеполитический курс, Китай противопоставляется Соединенным Штатам, которые развивают вызывающие серьезную озабоченность Москвы передовые программы противоракетной обороны и высокоточных баллистических ракет в неядерном оснащении. Предлагаемые Вашингтоном заверения о ненаправленности этих систем против России и другие меры доверия пока не смогли развеять опасения Москвы.

В то же время, сигналы, получаемые Россией из Китая, оказались более убедительными, несмотря на существующие между Москвой и Пекином трения – такие, как конкуренция за влияние на торговые потоки и союзнические предпочтения государств Центральной Азии. Российские политики верят в то, что у них есть надежные гарантии отсутствия у Китая наступательных намерений в отношении России: Пекин поддерживает позицию Москвы в вопросе о недопустимости смены режимов в суверенных государствах при содействии извне, как и любых других форм внешнего вмешательства во внутренние дела.¹ Кроме

¹ По информации российской проправительственной Интернет-газеты, на встрече с доверенными лицами Владимира Путина в декабре 2012 года министр иностранных дел России С.В. Лавров сообщил, что «у России нет опасений по поводу роста экономической и финансовой мощи Китая и

того, Москва полагает, что Китай не намерен оказывать на Россию такое же давление по территориальным вопросам, как он это делает в отношении стран Юго-Восточной Азии в Южно-Китайском море.² Исследователи китайской политики в отношении России сходятся во мнении о том, что Пекин сегодня не готов вступить в чреватую значительными издержками борьбу с Россией за контроль над сопредельными КНР сибирскими регионами России по причине их географической отдаленности от центров экономической активности Китая, сурового климата, отсутствия зачастую даже базовой инфраструктуры и, несомненно, предполагаемой готовности Москвы к ограниченному применению ядерного оружия в случае массированного военного нападения. Аналитики также в основном полагают, что Китай вполне удовлетворен дружественным нейтралитетом России по вопросам, вызывающим противоречия между КНР, с одной стороны, и Соединенными Штатами с их союзниками в Азии, с другой.

Пожалуй, только в одном регионе – Арктике – у России есть основания беспокоиться о возможностях Китая бросить вызов российскому суверенитету. Указать Китаю, где проходят российские «красные линии» в Арктике сложнее, чем в Восточной Сибири. Пекин обладает богатым опытом последовательной и целеустремленной реализации крупных проектов без привлечения к ним широкого общественного внимания. Вмешаться или остановить эти проекты весьма сложно – до момента, когда становится уже слишком поздно. В качестве примеров можно упомянуть либерализацию торговли КНР со странами Центральной Азии, строительство трубопроводов и участие китайских государственных корпораций в разработке природных ресурсов по всему миру. В отличие от вооруженного столкновения, подобные инициативы не создают непосредственной угрозы российским интересам. Тем не менее их последовательное воплощение в жизнь на протяжении ряда лет обычно приводят к очевидным сдвигам в расстановке сил между Россией и Китаем. Возможно, именно в Арктике Москва лучше всего чувствует, что китайская стратегия постепенных действий может создавать некоторые проблемы для реализации российского суверенитета.

Модель «игры»

Вырабатывая концептуальный подход к отношениям с Китаем, как Россия, так и США оставляют для себя открытыми несколько возможностей. Окончательный выбор, если его когда-либо придется сделать, будет во многом зависеть от действий самого Китая.

В широком смысле, в распоряжении Москвы есть две альтернативы: (1)

усиления его позиций в международных делах», поскольку «мы [Россия и КНР] исповедуем абсолютно идентичные взгляды на положение дел в мире»

(<http://www.dni.ru/polit/2012/12/9/244918.html>).

² См., например: Тренин Д. Верные друзья? Как Россия и Китай воспринимают друг друга. Москва:

Центр европейских реформ; Московский центр Карнеги, 2012; Зевелев И. Реализм в XXI веке.

Американо-китайские отношения и выбор России // Россия в глобальной политике. Ноябрь-декабрь 2012.

образовать безоговорочный союз с КНР на основе Договора 2001 года и согласиться на роль ведомого Пекином игрока, во всяком случае в Азии; или (2) стремиться уравновесить возможное давление на Россию со стороны Китая посредством выборочного сотрудничества в Азии с США и их союзниками.

В свою очередь, Вашингтон также выбирает между двумя вариантами политики: (1) вовлечь Китай в сложившуюся систему международных режимов и сотрудничать с ним, хеджируя риски китайского экспансионизма, и (2) сдерживать Китай (и, возможно, даже противостоять ему) – например, посредством качественного усиления и расширения сферы деятельности военных альянсов США в Азии.

Различные комбинации этих стратегий ведут к четырем возможным исходам. Ниже в *таблице* суммированы ключевые характеристики каждого из этих исходов.

		Россия	
		<i>Окончательно объединяется с Китаем для ограничения влияния США</i>	<i>Уравновешивает влияние Китая на Россию посредством выборочного сотрудничества в Азии с США и их союзниками</i>
США	<i>Вовлекает Китай, хеджируя риски китайского экспансионизма</i>	Ресурс Китая как международного игрока резко усиливается. Москва сталкивается с нажимом со стороны Пекина. Свобода маневра России снижается. Российским корпорациям становится сложнее заключать выгодные соглашения с китайскими партнерами на поставки углеводородов в КНР.	Россия сталкивается с нежеланием Китая участвовать в трехсторонних (американо-китайско-российских) инициативах. Из трех государств Китай наиболее заинтересован в четком отделении российско-китайских отношений от американо-китайских ради сохранения свободы маневра Пекина. Москва и Вашингтон обсуждают и, возможно, даже координируют свои подходы к отношениям с КНР. Вероятным становится охлаждение российско-китайских отношений. В ответ на раздражение Китая Москва указывает на право России проводить «многовекторную» дипломатию. Способность России держаться этого курса будет в основном зависеть от готовности США к обсуждению политики Китая с Россией.
	<i>Начинает немедленное противостояние Китаю, учитывая признаки начала «немирного подъема» Китая</i>	Российское восприятие отношений с США как игры с нулевой суммой в ключевых для России сферах заставляет США оставить надежду на сотрудничество с Россией. В то же время потребность в ресурсах, необходимых для сдерживанию Китая на южном направлении его политики заставляет США отказаться от наступательной	США получают возможность требовать от России тесной координации политик в отношении КНР. Это вынуждает Москву сделать трудный выбор между Вашингтоном и Пекином. Данный исход не может быть равновесным, поскольку с большой вероятностью выбор России будет сделан в пользу Китая, учитывая, что ставки России в отношениях в сфере торговли и

		стратегии в отношении России. Способность России найти баланс между китайским и американским направлениями ее внешней политики и хеджировать риски китайского экспансионизма становится ограниченной. Москва делает окончательную ставку на скорый закат США как сверхдержавы.	безопасности с Китаем более высоки, чем с США.
--	--	--	--

Если Китай продолжит наращивать военный потенциал и одновременно изменять свои официальные военно-политические доктрины в сторону повышения роли КНР в мировой политике, Москве будет затруднительно сохранять «стратегическую неопределенность» подхода к отношениям с Пекином. Некоторые возможные (хоть в основном маловероятные) сценарии развития событий могут подтолкнуть Россию к однозначному выбору и потребовать от Москвы оперативной реакции, например:

- Китай наталкивается на противодействие сильной коалиции государств, поддержанной США, по вопросам правового режима сопредельных КНР морских пространств. Не имея возможности реализовать заявленные интересы на южном направлении, Пекин обращается в сторону севера и начинает оказывать на Москву давление по вопросам российского иммиграционного режима или пытается склонить Россию к переговорам о статусе каких-либо российских приграничных территорий.
- Торговый оборот КНР со странами Центральной Азии увеличивается настолько, что Казахстан начинает рассматривать возможность преференциального торгового режима с Китаем и выхода из Таможенного союза с Россией.
- Обнаруживается явный и необратимый сдвиг баланса военных потенциалов России и Китая в пользу последнего.

В каждом из этих случаев заинтересованность Москвы в механизме регулярных консультаций с Вашингтоном по Китаю резко возрастет.

Последствия американского выбора

Если США решат прибегнуть к наступательной политике в отношении Китая, Москва скорее всего полностью примкнет к Пекину. Прочный российско-китайский альянс может воплотиться в открытую поддержку Москвой территориальных претензий КНР (особенно если Россия будет воспринимать позицию Вашингтона по статусу южных островов Курильской гряды в качестве существенного препятствия территориальному урегулированию с Японией) или в окончательное согласие российского внешнеполитического сообщества на статус России в качестве «стратегического тыла» КНР. Это может привести к росту

напора и жесткости России в отношениях с США и даже, возможно, к эскалации напряженности вокруг международных проблем по решению которых у США и России наблюдаются разногласия (например, гражданской войны в Сирии и – в определенной степени – ядерной программы Ирана). Поскольку международный кризис или даже открытый конфликт между крупнейшими державами может привести к замедлению экономического роста КНР, при таком сценарии Пекин столкнется с необходимостью призывать Москву к компромиссу и принять на себя непривычную роль посредника между Россией и США. В свою очередь, Россия не сможет позволить себе периодически отказывать Китаю в поддержке ради сохранения возможностей взаимовыгодного диалога с США. Если в этом сценарии давление США на Китай не принесет быстрых результатов, то Пекин сможет захватить и удерживать инициативу в отношениях как с Вашингтоном, так и Москвой.

Если же США продолжат попытки вовлечь Китай в систему международных режимов, центральное положение в которой занимают Соединенные Штаты, у России останется достаточно стимулов к сотрудничеству с США и их союзниками в Азии и Москва скорее всего не станет далее сближаться с Пекином, чтобы не предоставлять КНР исключительную свободу маневра. Средством страховки от полной зависимости от Китая для России могли бы стать прогресс в урегулировании территориальной проблемы с Японией и свободное продолжение продиктованной коммерческими интересами деятельности в Азии – например, совместной с Вьетнамом добычи нефти на шельфе или поставок вооружений Индии и странам АСЕАН.

В конечном итоге, признаком сохранения российской «внешнеполитической автономии», которая высоко ценится Кремлем, станет способность России поддерживать открытыми возможности сотрудничества с США, убеждая при этом Пекин в том, что такой подход не противоречит духу квази-альянса Китая с Россией.

**Elliott School of
International Affairs**

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров. www.ponarseurasia.org